

Боев Эрадж Бегиджонович, Воронкова Галина Вадимовна

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ШАХСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАНА В 1925-1979 ГОДАХ

В настоящей работе рассматриваются условия формирования и реализации национальной политики шахиншахского правительства Ирана периода правления династии Пехлеви с момента прихода династии к власти в 1925 году до падения шахиншахского режима в ходе Исламской революции в 1979 году, анализируется роль национальной политики в государственной системе монархического Ирана в XX веке. Освещается значение этнического сепаратизма в Иране в контексте формирования единой иранской политической нации и концепции паниранизма как идеологического фактора шахской национальной политики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 25-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

WELFARE STATE IN THE SOUTH AFRICAN REPUBLIC

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Ph. D. in Law
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
welfarestate1@gmail.com

The article is devoted to studying the peculiarities of the implemented in the South African Republic model of social state. It is interpreted as a “transfer welfare state” with the considerable influence of ethnic (racial) feature. The paper concludes that the mentioned model is typical only for this state and has not been investigated earlier. The author studies the recent liberalization of social state model in the South African Republic, examines constitutional and normative foundations to qualify the South African Republic as a welfare state; analyzes certain provisions of the Constitution versions regarding the interpretation of the constitutional principle of the sociality of the state formulated in the legalized resolutions of the ruling party.

Key words and phrases: social state; sociality of state; welfare state; constitutional principle; social welfare.

УДК 94(5)

Исторические науки и археология

В настоящей работе рассматриваются условия формирования и реализации национальной политики шахиншахского правительства Ирана периода правления династии Пехлеви с момента прихода династии к власти в 1925 году до падения шахиншахского режима в ходе Исламской революции в 1979 году, анализируется роль национальной политики в государственной системе монархического Ирана в XX веке. Освещается значение этнического сепаратизма в Иране в контексте формирования единой иранской политической нации и концепции паниранизма как идеологического фактора шахской национальной политики.

Ключевые слова и фразы: шахский Иран; иранский национализм; национальная политика; иранизация; Пехлеви; шахиншахское государство; паниранизм.

Боев Эрадж Бегиджонович

Воронкова Галина Вадимовна, к.и.н., доцент

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
sogdak@yandex.ru; voronkova_g@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ШАХСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАНА В 1925-1979 ГОДАХ[©]

Современное состояние внешней и внутренней политики Исламской Республики Иран, а также характер межнациональных отношений в этой стране невозможно рассматривать без учета многовекового исторического прошлого Ирана. В этой связи важным инструментом для понимания специфики современных этноконфессиональных процессов в современном Иране является обращение к периоду правления последней шахской династии Пехлеви.

Историографию по данной проблеме можно разделить на несколько направлений. Иранская историография шахского периода характеризуется положительной оценкой основных положений политики Пехлеви по национальному вопросу. Так, в работе Сейида Ахмеда Кесрави «Азери, или древний язык Азербайджана», изданной в 1941 году, содержится аргументация в пользу политики иранизации тюркоязычного населения Ирана [9, с. 12]. Западноевропейская историография в настоящей работе представлена работами исследователей, являющихся эмигрантами из Ирана – Махмуда Реза Годса («Иран в XX веке. Политическая история») [5] и Каве Фарруха («Пантюркизм нацеливается на Азербайджан. Геополитическая повестка») [18]. Представители данного направления более сдержанно и критически оценивают достижения Ирана в эпоху Пехлеви, в том числе в гуманитарной сфере. В их работах рассматриваются условия формирования национальной политики периода Пехлеви, ход ее реализации и последствия. Современная иранская историография и примыкающая к ней оппозиционная исламская историография дореволюционного периода рассматривают эпоху правления Пехлеви (в особенности период Мохаммеда Реза-шаха) в основном с негативной точки зрения. Примером такой позиции является работа видного шиитского богослова Муртазы Мутаххари «Иран и ислам: история взаимоотношений», которая впервые была опубликована в 1970 году [11]. Среди работ, относящихся к отечественной историографии по проблеме, необходимо отметить работы таких исследователей, как С. Л. Агаев («Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх)» [1]), С. К. Атаев («О политике иранского правительства в отношении белуджей в 40-60-х гг. XX в.» [2]), «Социально-экономическое и политическое положение белуджей Ирана (20-30-е гг. XX в.)» [3]), Е. А. Дорошенко («Зороастрийцы в Иране» [6]), «Идеологические основы иранских учебников периода правления Реза-шаха Пехлеви» [7]), М. С. Каменева («Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.)» [8]), Р. А. Сеидов («О национальном формировании азербайджанцев в Иране») [15]. Современная российская историография

представлена исследованиями Е. С. Галкиной («Становление нации и пути национализма в Иране») [4] и А. Б. Оришева [12]. Так, в работе А. Б. Оришева «Политика нацистской Германии в Иране» освещаются вопросы идеологического проникновения элементов германского национал-социализма в шахский Иран накануне Второй мировой войны. Эти труды, освещающие разные аспекты внутренней жизни шахского Ирана, учитывают многообразие факторов, влиявших на национальную политику.

Среди важных источников, использованных при написании данной работы, следует отметить опубликованные документы британской внешней политики и дипломатии, включающие в себя конфиденциальные отчеты и сообщения, охватывающие период с 1922 по 1939 годы и позволяющие проанализировать формирование национальной политики в Иране в связи с приходом к власти в стране Реза-шаха Пехлеви [16]. Также необходимо обращение к положениям Конституции (Основного закона) Ирана, действовавшей в стране с 1906 по 1979 годы как юридической основы формирования национальной политики [17]. Ценным источником для определения личных взглядов главы иранского государства на национальную политику монархического Ирана во второй половине XX века являются работы последнего иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, из которых особого внимания заслуживают такие, как «Белая революция» [20] и «К великой цивилизации» [10], опубликованные на персидском и английском языках. Сведения о реализации национальной политики в сфере образования дает учебник Абдоллы Рази по курсу истории Ирана для средней школы, изданный в соответствии с решением иранского правительства в 1937 году [14]. Частные факты, связанные с конкретными проявлениями шахской национальной политики, предоставляет официальная иранская пресса, в частности, газета «Кейхан» [19].

Формирование единой иранской политической нации затруднялось пестрым этническим составом населения Персии, который в первые два десятилетия XX века выступал источником непрерывных проблем для центрального правительства страны. В период между Конституционной революцией 1905-1911 годов и установлением династии Пехлеви, а также в начале правления Реза-шаха региональный сепаратизм являлся серьезной угрозой для сохранения территориальной целостности государства, а также фактором, облегчавшим проникновение в Иран великих держав. Всплесками сепаратизма сопровождалось воцарение и Реза-шаха, и его сына Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви.

Одним из важнейших очагов регионального сепаратизма в Иране являлась территория Иранского Азербайджана. С одной стороны, близость данного региона к российским границам превращала его в базу для революционеров, получавших регулярную поддержку сначала от нелегальных революционных групп из закавказских губерний Российской империи, населенных тюркоязычными азербайджанцами, а затем – со стороны Советской России. Уже в начале революционных событий 1905-1911 годов на территорию Иранского Азербайджана началось проникновение революционных групп, деятельность которых была направлена против центральных властей [18]. С другой стороны, после младотурецкой революции 1908 года правительство Османской империи открыто стало следовать идеологии пантюркизма, направленной на объединение всего тюркоязычного населения мира под эгидой Стамбула. Тюркоязычное население северного Ирана рассматривалось младотурками как этнически близкое к османским туркам. В годы Первой мировой войны османские войска дважды (в 1916 и 1918 годах) занимали часть территории Иранского Азербайджана, встретив здесь поддержку местного населения. Экспорт пантюркистской идеологии в Иранский Азербайджан усилился после появления на карте мира в 1918 году Азербайджанской Демократической Республики. Находившаяся у власти в АДР националистическая партия «Мусават» («Равенство»), образованная еще в 1911 году в Баку, выдвигала лозунг создания под эгидой Турции и Азербайджана единой тюркской державы Туран, что представляло собой прямую угрозу территориальной целостности Ирана [Ibidem]. Распад Османской империи в 1918-1922 годах, провозглашение Азербайджана советской республикой в 1920 году и последующее его вхождение в состав СССР в 1922 году объективно снижали, хотя и не ликвидировали полностью для Иранского Азербайджана угрозу распространения пантюркизма, однако увеличивали угрозу экспорта революции со стороны Баку. В ходе Второй мировой войны Иранский Азербайджан был занят советскими войсками, на его территории развернулось национальное азербайджанское движение, требовавшее широкой автономии. В октябре 1941 года в Тебризе было создано общество «Азербайджан», выступившее за региональное самоуправление. В апреле 1942 года оно было разгромлено силами центрального правительства. В сентябре 1945 года возникла Азербайджанская демократическая партия, позже влившаяся в состав местной коммунистической организации Туде. В программе партии отмечалось, что «высшей целью азербайджанского народа является создание подлинно независимого и демократического режима» [15, с. 64]. 12 декабря 1945 года Азербайджанская демократическая партия спровоцировала вооруженное восстание, в ходе которого был созван Национальный меджлис Южного Азербайджана из 101 депутата, утвердивший правительство во главе с Сейидом Джафаром Пишевари. В декабре 1946 года, после ухода советских войск, восстание было разгромлено, и центральное правительство вернуло себе контроль над регионом [Там же, с. 65].

Сепаратистские тенденции традиционно сильно проявлялись и в Иранском Курдистане. Уже с лета 1918 года против персидского правительства восстали районы к западу от озера Урмия в Иранском Курдистане. Силы предводителя повстанцев, Симко, захватили ряд городов и смогли организовать решительное сопротивление частям персидской армии на протяжении нескольких лет. Только в 1930 году, в ходе разработанной персидской армией спецоперации, Симко удалось выманить на территорию Ирана и задержать. Разгром Симко не решил проблемы выступления курдов в Иране. Активную помощь иранским курдам оказывали турецкие курды. После ввода советских войск в августе 1941 года на территории Ирана, населенной курдами,

началась эскалация национального движения, завершившаяся провозглашением в январе 1946 года Курдской народной республики (т.н. Мехабадской республики). В декабре того же года, после вывода советского военного контингента, данное политическое образование было ликвидировано [5, с. 129].

Сепаратизм как явление был характерен и для таких регионов Ирана, как Белуджистан, Хузестан, Хорасан. Еще до того, как Реза-шах занял трон, ему пришлось столкнуться с сопротивлением растущей власти центрального правительства со стороны племенных вождей. В ходе своей встречи с сотрудниками британского дипломатического представительства в 1922 году Реза-хан, исполнявший в тот момент обязанности военного министра, отметил 5 основных проблем, стоявших перед центральным правительством: борьбу с курдским повстанческим движением Симко, наведение порядка в Лурестане, противодействие революционному движению Сейеда Джелала в Гиляне, борьбу с рейдами туркмен в Астрабаде и шахсеенов – в Ардебиле [16, vol. 18, p. 149]. В начале 1925 года британский дипломат Р. Лорейн сообщает о выступлении против правительства арабских и бахтиарских вождей, туркменском сепаратизме. В частности, Лорейн приводит сообщения из Мешхеда о требовании одного из туркменских вождей выхода туркмен из состава как Персии, так и СССР [ibidem, vol. 20, p. 134]. Действия по подавлению сепаратизма предпринимались и после прихода Реза-шаха к власти в Иране. По сообщениям британских дипломатов в Лондон, основанным на данных тегеранской газеты «Иран», только в 1929 году предводитель белуджей Мохаммед Дост Мохаммед сложил оружие и признал власть Реза-шаха [ibidem, vol. 21, p. 102]. В том же году дипломат Р. Клайв сообщал британскому министру иностранных дел Остину Чемберлену о том, что Реза-шаху пришлось вступить в переговоры с Али Ханом, одним из племенных лидеров кашкайцев в Фарсе [ibidem, vol. 23, p. 215].

После прихода к власти Реза-шаха перед его правительством встала задача консолидации различных групп населения страны. Следует отметить, что появление первых представлений о единой иранской идентичности происходит уже в эпоху правления династии Каджаров. В начале XIX века, опираясь на «Шах-наме» Фирдоуси и «Зафар-наме» Казвини, получившие европейское образование иранские интеллектуалы (ровшанфекран) начали разработку идей национального единства и суверенитета. Во второй половине XIX века в иранской печати уже употребляются термины «национальность» («меллат») и «националист» («мелли»). Происходит изменение термина «ватан» («родина»), который ранее употреблялся, как правило, для обозначения локального места рождения и проживания. Со второй половины XIX века данный термин начинает трактоваться в широком смысле, обозначая страну в целом, отечество. Первыми идеологами иранского национализма выступили литераторы и просветители Мирза Фатх-Али Ахундзаде (1812-1878 годы), Джалал ад-дин Мирза Каджар, один из младших сыновей Фатх-Али-шаха, а также Мирза Ага Хан Кермани (1853-1896 годы) [4].

В Конституции 1906 года, действовавшей на протяжении всего периода правления династии Пехлеви, под понятием «меллат» («нация») понималась конфессиональная общность населения. Мусульмане объявлялись «иранской нацией», национальными меньшинствами считались немусульманские группы. Таким образом, конституционное определение иранской нации было достаточно расплывчатым [17, p. 442-450]. Конституция позволяла игнорировать интересы отдельных этносов. Не давали четкого определения иранской нации и программы проправительственных партий – «Иране-Ноу» времен Реза-шаха, «Иране новин», «Растахиз» и «Мардом» периода правления Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви. Вместе с тем шахский режим в реализации своей национальной политики по конструированию единой иранской общности использовал идеи иранского национализма и паниранизма. Паниранизм, основные идеологические положения которого были разработаны в начале 1925 года философом Махмудом Афшаром, выходцем из тюркоязычной среды, опирался не на этнический или расово-антропологический подход, а на этнокультурный, лингвистический подход и был направлен в большей степени на внутреннюю консолидацию населения Ирана на основе персидского языка и персидской культуры. В формировании концепции единой иранской нации в паниранистской интерпретации, помимо М. Афшара, сыграли активную роль С. А. Кесрави, К. Ираншахр, Р. Шафаг, Х. Пирния, А. Казвини, С. Шоари, Я. Зеки и другие [5, с. 39].

Идеология паниранизма пользовалась определенной поддержкой среди националистических писателей, учителей и студенчества. В 1920-1930-е годы паниранисты в основном поддерживали политику правительства, т.к. она в определенной степени реализовывала отдельные элементы их идеологии: Реза-шах провозгласил курс на европеизацию, был введен европейский костюм, солнечный календарь, возвращены древнеиранские названия городов и месяцев [Там же, с. 85]. Унификация отдельных сторон общественной жизни с использованием некоторых элементов европейской культуры усиливала идеологию единства иранской нации при одновременном монопольном господстве государственного персидского языка и культуры.

Большая роль в разработке идеологических основ шахской национальной политики принадлежит учредителям Общества национального наследия («Энджумен-е Асар-е Мелли»), созданного уже через год после переворота «3 хута» в 1921 году, – Моширу од-Доуле (Хасану Пирния), Мохаммаду-Али Форути (Зока оль-Мольк), Носрату од-Доуле (Фирузу Мирзе). Общество до 1934 года осуществляло работу по изучению и сохранению исторического наследия Ирана. Во второй половине 1930-х годов по инициативе иранского правительства была учреждена «Организация по ориентации общественного мнения», занимавшаяся вопросами идеологии [Там же, с. 40].

Одной из главных составляющих национальной политики правительства Реза-шаха являлась иранизация (персизация) национальных меньшинств страны. В 1920-1930-х годах происходит формирование великоиранского шовинизма, основу которого составил великоперсидский шовинизм, направленный на подавление стремлений периферийных этносов страны к национальному самоутверждению. Он сочетался с политикой ассимиляции, которая стала осуществляться в государственном масштабе после подчинения племен и централизации государства к середине 1930-х гг. Основная цель, которая преследовалась при этом – создание

единой персоязычной иранской нации. Единственным официальным государственным языком в Иране являлся персидский. Образование осуществлялось исключительно на персидском языке. Издание книг и газет, даже публичные выступления на родных языках – ассирийском, армянском, азербайджанском, курдском, белуджском и других – были запрещены [8, с. 141]. Так, с конца 1920-х годов в школах Южного Азербайджана был введен полный запрет на употребление азербайджанского языка в преподавании [15, с. 38]. Иранизация неперсидских этносов осуществлялась по-разному. Например, в учебных программах школ родственные персам иранские языки курдов, луров, белуджей рассматривались как диалекты персидского языка [7, с. 62]. В учебнике истории Абдоллы Рази (Хамадани), изданном в 1937 году, ряд территорий за пределами Ирана назван персидскими, народы, их населяющие – иранцами (таджики, курды и другие), а их языки – диалектами персидского языка [14, с. 31]. По отношению к тюркоязычным иранцам использовалась концепция их изначального персоязычия. Исходя из данной концепции, автохтонное население Иранского Азербайджана первоначально говорило на азери (один из языков северо-западной иранской подгруппы), но впоследствии после вторжения тюркских племен этому населению был навязан тюркский язык, который следует заменить персидским исконным языком. Сторонником данной точки зрения был С. А. Кесрави [9, с. 12]. Так, Абдолла Мустафи, губернатор Азербайджана в конце 1930-х годов, заявлял: «Я всегда напоминал азербайджанцам: “Вы – истинные дети Дария и Камбиза, почему же вы говорите на языке Чингиза?” Я всеми силами поощрял употребление фарси» [5, с. 144]. Также режим Реза-шаха активно использовал политику этнической ассимиляции национальных меньшинств, заселение неперсоязычных регионов представителями персидского большинства. Например, на машиностроительном, тракторном, нефтеперерабатывающем и других заводах Тебриза до 30-40% рабочих были выходцами из других, главным образом персоязычных, районов Ирана [15, с. 40]. Персидский этнический элемент на окраинах внедрялся и через госслужащих. На ответственные должности в провинциях назначались в основном персидские чиновники [Там же, с. 36].

В конце 1920-1930-х годах правительство Ирана проводило культурную политику, опиравшуюся на доисламское наследие Ирана, в связи с чем поощрялся общественный интерес к зороастризму как к древней религии Ирана и культуре зороастрийцев как представителей исконной персидской идентичности. Зороастризм использовался в качестве укрепления персидского культурного ядра. На литературном факультете Тегеранского университета с 1934 года было введено преподавание Авесты, изучение зороастрийской философии и этики, а также среднеперсидского языка. Началась кампания за уравнивание в правах иранских зороастрийцев с мусульманами, за их активное участие в общественной жизни. Зороастрийцев стали принимать на государственную службу, кадровыми офицерами в армию, в государственные учреждения, в Тегеранский университет и другие высшие учебные заведения. В Тегеране среди представителей иранской мусульманской политической элиты распространилась мода на обучение детей в зороастрийских школах «Фируз Бахрам» и «Ануширван Дадгар» [6, с. 82]. Зороастрийское религиозное меньшинство правительство активно использовало в борьбе с сепаратизмом окраин, например, против белуджей в Доздабе (Белуджистан) [3, с. 80]. Не отрицая пользы изучения древнейшей философии зороастризма, шиитское духовенство болезненно воспринимало его возрастающую популярность, опасаясь её политических последствий. В стране стали происходить убийства зороастрийцев, в том числе мобеда Кайхосрова Шахроха, первого иранского зороастрийца-члена меджлиса [6, с. 122].

Правительство Реза-шаха осуществляло перевод кочевых и полукочевых племен на оседлость с целью обеспечения над ними политического контроля. Недовольные племена расселялись принудительно по разным провинциям. Так, отдельные группы белуджей были переселены из пограничной зоны вглубь страны. Следует отметить, что начатая Реза-шахом политика по переводу кочевников на оседлый образ жизни потерпела поражение. Как отмечает С. К. Атаев, в соответствии с данными, полученными английским исследователем Я. Бхария, в 1932 году численность кочевого и полукочевого населения Ирана составляла 1 млн чел., в 1941 г. – 2 млн [2, с. 95]. Действия шахского правительства, предпринимаемые по отношению к кочевникам, зачастую приводили к разрушению традиционной структуры народного хозяйства.

Режим Реза-шаха позаимствовал у кадjarской администрации тактику по подавлению одного этнического меньшинства с помощью другого. Например, высшие административные посты в Курдистане занимали персы и азербайджанцы. Традиционно курды негативно воспринимали и тех, и других, но ненависть к азербайджанцам была большей, так как азербайджанцы были родственниками традиционно враждебно настроенных по отношению к курдам турок, и эта ненависть еще более усилилась в период правления пехливийской администрации. С подачи «Организации по ориентации общественного мнения» вместо названия «Курдистан» активно использовалось название «Западный Азербайджан». В административном отношении курдские территории вошли в состав остана Западный Азербайджан. В печатных изданиях курдов стали именовать «горными иранцами» (по аналогии с кемалистским термином «горные турки» в Турции). К концу 1930-х годов практически все полицейские Мехабада, населенного в основном курдами, являлись азербайджанцами. В регионах, населенных главным образом азербайджанцами, полицейские силы комплектовались на основе выходцев из других провинций Ирана [5, с. 143]. В свою очередь, в 1937 году Южный Азербайджан по программе административной реформы был разделен на два остана, с выделением населенного в значительной степени азербайджанцами района Зенджан в отдельный остан [15, с. 43]. В конце 1930-х годов наибольшей дискредитации подверглись ассирийцы и армяне с целью поощрения неприязненного отношения друг к другу в среде представителей различных этнических меньшинств, с дополнительным привлечением религиозного фактора, для облегчения над ними государственного контроля. В 1938 году школы армянской общины были закрыты, консервативная газета «Эттелаат» («Информация»), тесно связанная с шахским двором, развернула клеветническую кампанию против этих двух этнических меньшинств. Была опубликована серия статей об «опасных преступниках» армянского и ассирийского происхождения [5, с. 145].

В 1930-х годах активную политическую агитацию в Иране проводила нацистская Германия. Режим Реза-шаха до конца 1930-х годов развивал активные дипломатические, экономические, культурные и политические контакты с Германией, поскольку рассматривал эту страну в качестве противовеса Великобритании и СССР. В свою очередь, Германия была заинтересована в установлении союзнических отношений с Ираном с целью получения плацдарма для борьбы со своими конкурентами на международной арене. Так, в сообщении британского дипломата Сеймура в Лондон министру иностранных дел Энтони Идену о визите в Иран лидера германской организации «Гитлеровская молодежь» Бальдура фон Шираха отмечался большой интерес германской стороны к развитию скаутского движения в Иране [16, vol. 28, p. 288]. В страну начинают проникать идеи национал-социалистической идеологии, одним из главных стержней которой являлось постулирование существования особой «арийской общности» [1, с. 131-132]. Германские идеологи того времени подчеркивали общее происхождение немцев и персов. Возникшие в Иране различные националистические группировки и общества с целью увеличения своей популярности, главным образом среди образованного городского населения и студенческих кругов, использовали идеи «арийского величия» персов. С середины 1930-х гг. в неоднородном иранском национальном движении усиливается праворадикальное крыло. Идеологии германских национал-социалистов симпатизировали будущий премьер-министр Ирана генерал Фазлолла Захеда и отдельные депутаты меджлиса. Опасаясь роста националистического движения, а также маневрируя во внешней политике между великими державами, Реза Пехлеви в конце 1930-х годов запретил в Иране деятельность ультраправых группировок. Вместе с тем пропаганда национализма в стране продолжалась через германские консульства, а также нелегально. Несмотря на запрет, с 1940 года в стране появились новые праворадикальные группировки: «Кабуд» («Синие»), «Миллет» («Нация»), «Мейханпарастан» («Патриоты»), «Иран-е-бидар» («Пробудившийся Иран»), «Пейкар» («Борьба»), «Мейхан» («Родина»), «Истиклаль» («Независимость»), а также офицерская националистическая организация «Нехзат-е-мелли» («Национальное движение») [12, с. 38].

При этом отсутствуют факты применения как государственной идеологической машиной, так и политическими группировками иранских националистов каких либо «биологических» критериев, аналогичных гитлеровским, при определении принадлежности тех или иных групп или лиц к иранской общности. Необходимо отметить, что идеологи иранского национализма, отстаивавшие идею единой иранской нации на основе персидского языка, такие как Махмуд Афшар и Ахмад Кесрави, сами были выходцами из Южного Азербайджана [5, с. 92]. Таким образом, иранский национализм не перерос в нацизм германского типа.

В сентябре 1941 года под давлением антигитлеровской коалиции Реза-шах отрекся от престола. Возведенный на престол его сын, Мохаммад Реза-шах, столкнулся с проблемой децентрализации страны. Повстанческое движение в Южном Азербайджане и Курдистане во многом было следствием жесткой национальной политики Реза-шаха. Так, в преамбуле программы Азербайджанской демократической партии отмечалось то, что «деспотизм Реза-шаха лишил возможности национальные меньшинства Ирана – азербайджанцев, курдов, айсоров и других писать и читать на родном языке, печатать книги и газеты, пользоваться в местных учреждениях и судопроизводстве родным языком...» [15, с. 62]. Таким образом, политика ассимиляции национальных меньшинств, предпринимаемая режимом Реза-шаха, потерпела поражение и привела лишь к усилению сепаратизма. Паралич центральной власти в Иране завершился в конце 1946 года ценой подавления курдского и азербайджанского самопровозглашенных государственных образований. Началась массовая эмиграция азербайджанского населения за пределы страны, что негативно сказалось на дальнейшем экономическом развитии Иранского Азербайджана.

Вопрос прав национальных меньшинств игнорировался и правительством под руководством Мосаддыка, которое не предприняло никаких мер для либерализации осуществлявшейся в стране национальной политики [5, с. 203]. Сменивший в ходе переворота Мосаддыка генерал Фазлолла Захеда продолжал шахский курс. Вместе с тем Мохаммад Реза-шах Пехлеви в 1960 – начале 1970-х годов использует новую стратегию, заключавшуюся в переходе от жесткого репрессивного курса к обеспечению контроля правительства за культурной и общественной жизнью национальных меньшинств. В 1960-х годах в Тегеране было создано азербайджанское общество «Джамийате азербайджаниха», руководство которым находилось в руках прошахских настроенных элементов и агентов САВАК. Данное общество пропагандировало идеи величия шахского Ирана и призывало отказаться от азербайджанского автономизма. Деятельность общества координировалась канцелярией шахини Фарах Пехлеви, этнической азербайджанки. Одновременно с этим правительство продолжает политику культурной ассимиляции тюркоязычного населения. С 1963 года организация «Корпус просвещения» занимается пропагандой персидского языка в различных провинциях Ирана среди неперсоязычного населения. Также проводилась работа по синтаксическому приспособлению азербайджанского языка к персидскому, главным образом, в ходе трансляции двухчасовых передач на азербайджанском языке из радиоцентра «Седа-е Иран» [15, с. 64-65].

В выпуске проправительственной тегеранской газеты «Кейхан» от 7 декабря 1968 года при перечислении сопредельных с Ираном советских союзных республик Азербайджанская ССР была названа «Кавказской республикой» [19, с. 4]. Тем самым игнорировалось наличие этнических и культурных связей иранских азербайджанцев с Советским Азербайджаном. В конце 1960 – начале 1970-х годов премьер-министр Амир Аббас Ховеида на учредительном собрании «Организации национальной ориентации», целью которой являлась выработка рекомендаций по вопросам национальной политики в стране, заявил, что как иранец, он считает своим долгом «думать об Иране, для Ирана и по-ирански». Также он выразил надежду на то, что учрежденная организация превратится в «школу иранизации» [15, с. 77]. По сути это было продолжение прежней политики более мягкими средствами.

В наследство от режима своего отца Мохаммед Реза-шах получил обращение к зороастрийским ценностям и культивирование наследия доисламского Ирана. Покровительство по отношению к зороастрийцам вызвало негативную реакцию со стороны шиитского духовенства. Так, в своей работе «Ислам Иран: история взаимоотношений» Муртаза Мутаххири отмечает наличие широкомасштабной борьбы с исламом в современном ему иранском обществе и пропаганды зороастризма «под видом “защиты иранской нации”» [11, с. 9].

Мохаммед Реза Пехлеви постоянно постулировал «арийский» характер иранской цивилизации. «Иранская цивилизация <...> является полным отражением арийской торжественной и великой цивилизации, которая с начала своего появления на арене мировой истории и до сегодняшнего дня постоянно была рождающей и жизнеутверждающей цивилизацией...» [10, с. 252]. При этом монарх подчеркивает, что он имеет в виду «истинное значение арийской цивилизации, а не недальновидное и безрассудное представление о ней, которое, к сожалению, имело место до Второй мировой войны и во время нее...» [Там же, с. 253], отстраняясь от её нацистского истолкования. Обосновывая свои реформы в ходе так называемой «белой революции», Мохаммед Реза Пехлеви утверждает об «особом духе» и «исключительности иранского народа», продолжая политику великодержавного шовинизма периода своего отца [20, р. 38].

В период правления Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви Иран начинает претендовать на роль региональной державы. В этой связи шах, стоящий на позициях «позитивного национализма», представлявшего собой переиздание пехлевизма в новых условиях, в прагматических целях переходит к использованию националистического фактора во внешней политике. Модернизируется само понятие национализма. В своей работе «К великой цивилизации» шах отмечает, что «политика “позитивного национализма” заключается в осуществлении мер, направленных на обеспечение максимальной политической и экономической независимости страны в интересах народа Ирана» [10, с. 233]. Реально это вылилось в политику «двойных стандартов». Так, осуществляя жесткие меры по подавлению курдского национального движения внутри Ирана, иранское правительство одновременно с этим стало оказывать поддержку курдским вооруженным формированиям, ведущим боевые действия против баасистского режима на севере Ирака. В марте 1974 года Иран открыл границы для курдских повстанцев, отступающих из Ирака под натиском правительственных войск. В Иране были созданы военные лагеря для обучения курдских бойцов. После подавления курдского движения и последующего заключения с Ираком выгодного для Ирана соглашения, по которому шахиншахское государство получало территориальные приобретения в Персидском заливе, Мохаммед Реза Пехлеви прекратил поддержку курдских формирований. Многие курдские лидеры были вынуждены просить убежище в Иране. Шах запретил им антииракскую деятельность и поставил их под контроль иранских спецслужб [13, с. 127].

Таким образом, одной из причин падения шахского режима династии Пехлеви является недальновидная националистическая идеология, на которой основывалась национальная политика иранского государства. Особенность данной политики заключалась в том, что она игнорировала сложившийся уклад жизни населения Ирана и являлась причиной постоянного увеличения протестной базы в стране. Предпринимаемые в рамках проведения национальной политики меры, направленные на укрепление единства страны и нейтрализацию сепаратизма окраин, зачастую приводили к прямо противоположным результатам и вызывали резкое неприятие действий центрального правительства, только обостряли национальные чувства. В целом следует отметить, что на протяжении всего периода правления династии Пехлеви национальная политика правящего режима сохраняла преемственность своих основных черт. Это иранизация (персизация) национальных меньшинств страны в форме их культурной и языковой ассимиляции, великоиранский шовинизм, ликвидация традиционного уклада кочевых этносов, противоявление традиционному ирредентизму разделенных этнических групп (азербайджанцы, курды, белуджи и др.) Видоизменялись только тактические формы реализации данной политики – от жестких силовых методов 1920-1930-х годов до более гибких в 1960-1970-х годах, что обуславливалось конкретно-историческими условиями, в которых находилась иранская монархия. Составлявшие в Иране около половины населения этнические меньшинства ощущали ущемление своих прав со стороны государства, игнорирование их культурных особенностей. При этом успешное прохождение через фильтр иранизации не давало на практике никаких преимуществ, поскольку авторитарный шахский режим препятствовал любому проявлению демократической инициативы.

Список литературы

1. Агаев С. Л. Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх). М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1969. 157 с.
2. Атаев С. К. О политике иранского правительства в отношении белуджей в 40-60-х гг. XX в. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1988. № 2. С. 95-96.
3. Атаев С. К. Социально-экономическое и политическое положение белуджей Ирана (20-30-е гг. XX в.). Ашхабад: Ылым, 1993. 148 с.
4. Галкина Е. С. Становление нации и пути национализма в Иране [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 32. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsii-i-puti-natsionalizma-v-irane> (дата обращения: 23.11.2014).
5. Годс Махмуд Реза. Иран в XX веке. Политическая история / пер. с англ. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1994. 355 с.
6. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1982. 133 с.
7. Дорошенко Е. А. Идеологические основы иранских учебников периода правления Реза-шаха Пехлеви // Краткие сообщения Института востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. XIV. С. 58-67.

8. **Каменева М. С.** Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.) // Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 140-145.
9. **Кесрави Сейид Ахмед.** Азери, или Древний язык Азербайджана / предисл. Б. Азадегана; на перс. языке. 3-е изд. Тегеран, 1941. 53 с.
10. **Мохаммед Реза Пехлеви.** К великой цивилизации / на перс. языке. Тегеран: Изд-во Центра по исследованию политической культуры периода Пехлеви, 1977. 350 с.
11. **Мутаххари Муртаза.** Иран и ислам: история взаимоотношений / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 480 с.
12. **Оришев А. Б.** Политика нацистской Германии в Иране. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 280 с.
13. **Папава В. А.** Тайная полиция шаха Мохаммеда Реза Пехлеви – САВАК (1957-1979). М.: Универсал, 2011. 310 с.
14. **Рази (Хамадани) Абдолла.** История Ирана / на перс. языке. Тегеран, 1937. 225 с.
15. **Сеидов Р. А.** О национальном формировании азербайджанцев в Иране // Вопросы национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке. Баку, 1985. С. 36-89.
16. **British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part II. From the First to Second World War. Series B. Turkey, Iran and the Middle East, 1918-1939** / editor R. Bidwell. Frederick, Maryland: University Publications of America, 1990-1994. Vol. 35.
17. **Constitutions of Asian Countries** / prepared by the Secretariat of the Asian-African Legal Consultative Committee. New Delhi – Bombay, 1968. 1171 p.
18. **Farrokh K.** Pan-Turanism Takes Aim at Azerbaijan: A Geopolitical Agenda [Электронный ресурс]. URL: [http://www.rozanehmagazine.com/NovDec05/Azerbaijan-Text\[nopic\].pdf](http://www.rozanehmagazine.com/NovDec05/Azerbaijan-Text[nopic].pdf) (дата обращения: 11.10.2014).
19. **Kayhan.** 1968. 7 December.
20. **Mohammed Reza Shah Pahlavi.** The White Revolution of Iran. Tehran: Imperial Pahlavi Library, 1967. 177 p.

NATIONAL POLICY OF SHAH'S GOVERNMENT OF IRAN IN 1925-1979

Boev Eradzh Begidzhonovich
Voronkova Galina Vadimovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
sogdak@yandex.ru; voronkova_g@mail.ru

The article deals with the conditions of the formation and realization of the national policy of the shahanshah's government of Iran during the reign of the Pahlavi dynasty since the assumption of power by the dynasty in 1925 until the downfall of the shahanshah's regime during the Islamic Revolution in 1979. The role of national policy in the state system of monarchical Iran in the XX century is analyzed. The importance of ethnic separatism in Iran in the context of the formation of the single Iranian political nation and of the conception of Pan-Iranism as an ideological factor of the shah's national policy is elucidated.

Key words and phrases: shah's Iran; Iranian nationalism; national policy; Iranization; the Pahlavi dynasty; shahanshah's state; Pan-Iranism.

УДК 340

Юридические науки

В статье рассматриваются основные подходы к философскому осмыслению и пониманию права с позиции юридической гносеологии. Раскрываются особенности юрико-позитивистского типа правопонимания сквозь призму взглядов отдельных представителей зарубежной и отечественной правовой мысли, где повышенного внимания заслуживают правовые воззрения В. Д. Каткова как одного из ярких представителей указанного подхода к пониманию права в контексте современного изучения философского знания о праве и государстве.

Ключевые слова и фразы: право; государство; философское знание; юридический позитивизм; правопонимание; юридическая гносеология; позитивное право; закон; норма права.

Божко Евгений Алексеевич

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru

ЮРИДИКО-ПОЗИТИВИСТСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ В. Д. КАТКОВА[©]

В условиях бурно развивающихся общественных отношений наиболее эффективное изучение и рассмотрение тех либо иных философских проблем в различных областях научных знаний видится неполноценным без помощи соответствующих философских дисциплин. В частности, наряду с онтологией, аксиологией, праксиологией, эпистемологией, применяемых при разрешении актуальных вопросов философии права либо социальной философии, отдельного внимания заслуживает гносеология, которая в наиболее общем виде предполагает теоретическую основу научного познания, рассматривающую истоки, формы, методы, обстоятельства его истинного значения, возможности и способности человека познавать действительность [11, с. 31].